

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рассмотрены национальные особенности государственно-правового регулирования отношений государства и человека в условиях стандартизации прав человека. В рамках концепта «хорошего управления» обоснована необходимость модернизации трактовки защиты прав человека (в широком смысле) как «уважения, содействия развитию и защиты прав человека».

Ключевые слова: права человека, обязанности государства, глобализация, «хорошее управление», верховенство права, защита прав человека.

V. V. Chuksina

GLOBALIZATION, HUMAN RIGHTS AND STATE DUTIES

The article deals with national features of state and legal regulation of relations between the state and the man in conditions of human rights standardization. Basing on the concept of «good governance» the author proves the necessity to modernize the interpretation of human rights protection (in the wide sense) as «respect, promotion and protection of human rights».

Keywords: human rights, state duties, globalization, «good governance», the rule of law, protection of human rights.

В политико-правовом контексте глобализация наглядней всего проявляется через взаимосвязь внутригосударственных и международной правовых систем и стандартизацию правовых принципов в области прав человека. Одним из таких императивных стандартов (закрепленных в ст. 55, 56 Устава ООН, в преамбуле к Всеобщей декларации прав человека, и др.) является обязанность государств, независимо от их политических, экономических и культурных систем уважать и защищать права человека и основные свободы. Однако «различия религиозных, нравственных, философских, правовых ценностей определяют неоднозначную интерпретацию прав человека, различную степень их усвоения отдельными культурами» [6, с. 120]. В этом контексте международное право прав человека носит квазиконституционный характер, задавая (через такие характеристики прав как: равные, неотъемлемые, и др.) целевые ориентиры правового статуса личности. Безусловно, полное обеспечение прав человека в условиях изменяющегося мира выступает как надвременной идеальный аттрактор, поэтому совершенствование внутригосударственных механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина (с учетом национальной специфики и международных стандартов в области прав человека) является перманентно-актуальной проблемой юридической науки и практики.

В РФ закрепление за правами человека особого приоритетного статуса акцентировано в ст. 2 Конституции РФ в качестве триединой — «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» — конституционной обязанности государства. Конституция РФ

предписывает меру необходимого поведения государству, которой оно должно следовать в интересах человека (гражданина). Опираясь на ст. 17 и 18 Конституции РФ, можно сказать, что функционально-целевым назначением выполнения обязанности государства в области прав человека является создание необходимых (политических, правовых, экономических, и др.) условий (гарантий) для обеспечения общепризнанных (в том числе согласно с принятыми Россией международными обязательствами) стандартов прав человека. Вся система деятельности государства должна служить средством достижения этой цели. Государство, по своей сути, есть «публично властным образом интегрированное, организованное общество» [7, с. 100], посредник (медиатор) между целым (обществом) и частью (человеком, социальными группами). Государство служит выразителем публичных интересов и в этом контексте права человека выступают уже не как требования человека к государству, а как личная ответственность (и обязанность) граждан за воспроизводство (интеграцию) общества, за необходимость согласования индивидуального и коллективного.

Общепризнанно, что в современных условиях всеобщей формой солидарности людей может быть только правовое государство, поскольку право (принцип формального равенства) позволяет установить равную меру само- и взаимоограничений для субъектов одинаковых социальных отношений (правоотношений). Поэтому в регулировании отношений человека и государства нормативное правовое обеспечение прав человека играет системообразующую роль. Другими словами государство (правовая государственность) посредством формирования публично властных институтов правового типа, функционирования органов государственной власти в рамках конституционного права может обеспечивать тождество ценности прав человека и ценностей государственного управления, нацеленных на интеграцию общества. Однако на практике и в одной стране могут существовать значительные (цивилизационные) отклонения в представлениях о правах человека от универсальных стандартов. Например, как показали исследования Института социологии РАН в вопросе о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека «в пореформенной России сосуществуют традиционалистски и патерналистски настроенная часть общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, иначе говоря, носители модернистского сознания» [2, с. 23].

С одной стороны, национальные особенности государственно-правового регулирования отношений государства и человека зависят от историко-культурных традиций и тех ресурсов, которыми государство владеет в настоящее время. С другой стороны, в соответствии со ст. 15 ч. 4 Конституции РФ, международное право по правам человека выступает как бы ограничителем суверенитета государства, требуя от него «превращения» возможности (провозглашенных в Конституции РФ прав человека) в действительность (их реализации) — «хорошего управления» (good governance).

В отношении самого термина «хорошее управление», можно сказать, что он появился как эмпирическая конструкция. Как результат неудовлетворенности существующими (и даже конкурирующими) в понимании прав человека теориями и следствиями их применения; противоречий универсалистских и контекстуалистских идей; актуализации идеи бла-

га вместо свободы (особенно в связи с формированием новых представлений о достоинстве личности в социальном государстве), и т.д. В нем отражаются собирательные черты такого управления, которое должно быть нормой. В первую очередь в эту норму включаются принцип верховенства права (the rule of law) и защита прав человека [12; 13].

Понятие «верховенство права» достаточно теоретически проработано в юридической литературе, а официально в системе ООН определяется как такой принцип управления «в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами». Для этого также необходимы меры, обеспечивающие соблюдение принципов примата права, равенства перед законом, ответственности перед законом, беспристрастного применения законов, разделения властей, участия в принятии решений, правовой определенности, недопущения произвола и процессуальной и правовой транспарентности» [5, с. 45].

Опираясь на принцип «the rule of law», в отношении правозащитной деятельности государства в области прав человека можно говорить о защите прав в широком и узком смыслах. В международной системе прав человека, начиная с «Всеобщей декларации прав человека» (ст. 7, 12, 16 ч. 3, 23 ч. 1, и др.) [14], государственная защита прав человека обозначается термином «protection» (англ.) — защита, охрана; покровительство; в отношении субъектов прав — защита, объектов — охрана. Когда речь идет о защите в узком смысле (восстановлении) нарушенных прав, то используется термин «defence» (англ.) — оборона, защита; защита (в суде) [1]. Так, например, из текста «Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» видно, что понятие «defender» используется в отношении правозащитников (в том числе адвокатов) — представителей гражданского общества [10].

В узком смысле защита (охрана) прав человека — есть правомерная деятельность уполномоченных субъектов по применению способов защиты для фактического восстановления нарушенного права (законного интереса) и/или нейтрализации угрозы нарушения.

На наш взгляд, «хорошее управление» стимулирует понимание защиты прав человека в широком смысле (системно) — как «уважение, содействие развитию и защиту (при нарушении) всех прав человека». В рамках этого концепта государство не должно ограничиваться лишь внимательным отношением к правам граждан — воздерживаться от запрещенных (законом) действий, за которые предусмотрена юридическая ответственность (негативный подход). А, наоборот, активно через совершение конкретных (правотворческих и правоприменительных) действий добиваться реализации и расширения сферы прав человека и предотвращения их нарушений (позитивный подход). В идеале оборотной стороной этого процесса становится расширение сферы позитивной свободы человека как сферы самореализации и ответственности.

В контексте широкого подхода к защите прав человека национальную правозащитную деятельность (функцию) государства можно рассматривать как юридическое обеспечение имплементации, аккультурации и дальнейшего развития международных стандартов прав человека, контроль за их осуществлением (включая меры превентивной защиты).

Фактически выполнение государственной правозащитной функции становится юридической формой реализации (в конкретно-исторических условиях) направляющей идеи о фундаментальном характере прав и основных свобод человека, динамичной моделью государственно-правового института прав и свобод человека.

В плане защиты прав человека как конституирующего фактора «хорошего управления» возникает еще одна проблема — проблема реализации стандартов прав человека в условиях взаимодействия двух систем (международного и национального права), т.е. реализации универсального в национальных (внутригосударственных) формах. В научной литературе выделяются два альтернативных варианта решения данной проблемы: неоконсервативный и неолиберальный. Последовательные неолибералисты (Д. Хелд, М. Насбом, Д. Бохмэн, П. Хайден, Ж. Кохан и др.) от имени защиты прав человека, полагаясь главным образом на «жесткую силу», оправдывают насильственно «распространяющуюся демократию» (в том числе через одностороннее вмешательство супердержавы), таким образом, бросая вызов международному праву. Неоконсервативный подход, представленный теоретиками «этики беседы» (Ж.О. Апель, Д. Хабермас и др.), делает акцент на поиске первопричин проблемы и ее решении (укрепления международных стандартов прав человека) посредством «мягкой силы» — дипломатии и сотрудничества [11].

Утверждения о космополитическом характере прав человека не учитывают того момента, что права человека преломляются через призму цивилизации. Поэтому реальная модель государственно-правового института прав и свобод человека (на уровне сущего) сочетает качества формально-юридического, социального и культурного. И попытки реформирования институтов без изменения культурных кодов оборачиваются порождением псевдоформ без изменения сути (яркий пример — демократический на уровне конституции — Афганистан). Государство как главный субъект, ответственный за защиту прав человека, обязано обеспечить условия (гарантии), чтобы Иванов мог думать как свободный человек (на уровне личностной культуры адекватно интерпретировать нормы о правах человека, закрепленные в Конституции РФ и международных документах) и мог жить как свободный человек (на уровне социальных отношений).

Стоит отметить, что в российском законодательстве отсутствует дефиниция термина «защита», хотя законодатель довольно часто его использует, также часто используется и термин «охрана». Например, в Проекте федерального закона «О полиции» в ст. 1 указано, что полиция призвана защищать права и свободы человека и гражданина, противодействовать преступности, охранять общественный порядок, собственность и обеспечивать общественную безопасность. А в комментариях министра внутренних дел Рашида Нургалиева подчеркивается, что в этом Проекте закрепляется правоохранительное предназначение полиции в обществе [9].

Представляется, что эффективное выполнение триединой обязанности российского государства в области прав человека настоятельно требует отказа от узкой трактовки юридических понятий «охрана» и «защита» и законодательного закрепления термина «защита» (в широком смысле). Который отражает системную правозащитную деятельность (целевую функцию) государства как адекватного нормативного закрепления прав человека, корреляции права как нормативности и законности как единс-

тва права и последовательного правоприменения, правового регулирования, стимулирующего правовую активность граждан, предупреждение правонарушений, воспитание правовой культуры и др. Тем более, что защита прав человека в широком и в узком смысле связаны принципом субсидиарности, предполагающем возможность и необходимость вмешательства административных, судебных и др. органов государства лишь тогда, когда это объективно неизбежно — в «аномальных» условиях нарушения прав человека или злоупотребления правом. В «нормальных» условиях (good governance) должен действовать принцип «презумпции добросовестности», усиливающий востребованность позитивной, или «проспективной», юридической ответственности государства как «добровольной формы реализации юридической ответственности, представляющей собой юридическую обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями правовых норм» [8, с. 35].

Говоря о защите прав человека, необходимо отметить еще один важный момент. На эмпирическом уровне (в общественных отношениях) государство проявляет себя в первую очередь через свой механизм, который «выражается в определенных способах, принципах функционирования системы государственных органов (государственного аппарата), во взаимосвязи и взаимодействии между собой его отдельных частей» [3, с. 16]. Именно на этом уровне проявляется действие принципа, важнейшего для «хорошего управления» — соответствие структуры деятельности поставленным целям, способность подчинять структуру правоохранительным функциям. Это актуализирует проблему трансформации публичного администрирования в «постбюрократическое» (рецептивное, восприимчивое к интересам и потребностям человека и общества), которое должно мыслить стратегически, а действовать демократически. Следовательно, задачи государственных органов не могут сводиться только лишь к как можно более действенному и эффективному выполнению соответствующих функций. Они обязаны также выполнять конструктивную миссию — своими действиями способствовать определению ценностей и норм общества, переходу от традиционных ценностей к либеральным, обеспечивать на основе прав человека, перекрывающийся консенсус национального и международного. «Наш идеал — соединение власти и свободы на основе права как единственного мерила свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть» [4]. Наш выбор соединения государства и («protection») прав человека — консервативно-правовая модернизация в условиях глобализации.

Список использованной литературы

1. Англо-русский юридический словарь с транскрипцией / под ред. И.В. Мироновой. — М.: Юрид. Центр-Пресс, 2004.
2. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2009. — № 3.
3. Григонис Э.П. Механизм государства (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. д-ра юрид. наук / Э.П. Григонис. — СПб., 2000.
4. Зорькин В. Необходима осторожность. Путь России к праву / В. Зорькин // Российская газета: федер. вып. — 2010. — 16 апр.
5. Инструменты обеспечения господства права в постконфликтных государствах. — Нью-Йорк; Женева: ООН. — 2006.
6. Лукашова Е.А. Права человека в контексте конфликта культур / Е.А. Лукашова // Вестник российской академии наук. — 2007. — Т. 77. — № 2.
7. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5.

8. Носкова Е.А. Позитивная юридическая ответственность / Е.А. Носкова. — Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева. — 2003.
9. О полиции: проект федер. закона. — URL: <http://zakonoproekt2010.ru/official>.
10. Declaration on Human Rights Defenders. — URL: <http://www2.ohchr.org/english/issues/defenders>.
11. Demenchonok E. The universal concept of human rights as a regulative principle: freedom versus paternalism / E. Demenchonok // American Journal of Economics and Sociology. — 2009. — Jan. — URL: <http://findarticles.com/p/articles>.
12. Held D. Globalisation, International Law and Human Rights / D. Held. — L.: Centre for the Study of Global Governance. — 2005.
13. Saldanha C. Strategies for Good Governance in the Pacific / C. Saldanha // Asian-Pacific Economic Literature, 2004. — № 2.
14. Universal Declaration of Human Rights. — URL: <http://www.un.org/en/documents/udhr/index.shtml>.

Bibliography (transliterated)

1. Anglo-russkii yuridicheskii slovar' s transkriptsiei / pod red. I.V. Mironovoi. — M.: Yurid. Tsentr-Press, 2004.
2. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo v sotsiologicheskom izmerenii / M.K. Gorshkov // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2009. — № 3.
3. Grigonis E.P. Mekhanizm gosudarstva (teoretiko-pravovoi aspekt): avtoref. dis. d-ra yurid. nauk / E.P. Grigonis. — SPb., 2000.
4. Zor'kin V. Neobkhodima ostorozhnost'. Put' Rossii k pravu / V. Zor'kin // Rossiiskaya gazeta: feder. vyp. — 2010. — 16 Apr.
5. Instrumenty obespecheniya gospodstva prava v postkonfliktnykh gosudarstvakh. — N'yu-Jork; Zheneva: OON. — 2006.
6. Lukashyova E.A. Prava cheloveka v kontekste konflikta kul'tur / E.A. Lukashyova // Vestnik rossiiskoi akademii nauk. — 2007. — T. 77. — № 2.
7. Mamut L.S. Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: problema sootnosheniya / L.S. Mamut // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. — 2002. — № 5.
8. Noskova E.A. Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' / E.A. Noskova. — Tol'yatti: Volzhskii un-t im. V.N. Tatishcheva. — 2003.
9. O politsii: proekt feder. zakona. — URL: <http://zakonoproekt2010.ru/official>.
10. Declaration on Human Rights Defenders. — URL: <http://www2.ohchr.org/english/issues/defenders>.
11. Demenchonok E. The universal concept of human rights as a regulative principle: freedom versus paternalism / E. Demenchonok // American Journal of Economics and Sociology. — 2009. — Jan. — URL: <http://findarticles.com/p/articles>.
12. Held D. Globalisation, International Law and Human Rights / D. Held. — L.: Centre for the Study of Global Governance. — 2005.
13. Saldanha S. Strategies for Good Governance in the Pacific / S. Saldanha // Asian-Pacific Economic Literature, 2004. — № 2.
14. Universal Declaration of Human Rights. — URL: <http://www.un.org/en/documents/udhr/index.shtml>.

Информация об авторе

Чукина Валентина Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: v-chuksina@yandex.ru.

Author

Chuksina Valentina Valeriyevna — PhD in Law, Associate Professor, Senior Scientist of research institute, Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: v-chuksina@yandex.ru.